Невозможный Роман

Автор:
Юлия Резник

Невозможный Роман

Юлия Резник

Есть ли шанс у серой мыши покорить красавчика-босса? А если учесть, что свое место она получила, прибегнув к откровенному шантажу? Навряд ли. Но когда в дело вмешивается случай, чего только не происходит. И даже с невзрачной Глашей может случиться невозможный Роман…

Юлия Резник

Невозможный Роман

Глава 1

– Нет, Алка, нет! Даже не проси! – Роман отбросил салфетку и в сердцах уставился на сестру.

– Но ты же сам говорил, что я могу к тебе обращаться, если что-то понадобится!

– Когда это?

– Да только что! Так и сказал: «Ты обращайся, если что»…

– Было дело. Каюсь. Обычная любезность. Из тех, что люди обычно говорят друг другу, ничего такого не имея в виду.

– Ну, знаешь, Поляков! Я все же тебе человек не посторонний. И Женька, между прочим, твоя родная племянница! Вот ты когда ее в последний раз видел, а? – сидящая напротив Романа женщина подбоченилась и осуждающе уставилась на брата.

Роману хватило совести смутиться. Женьку он и правда видел давно. Один раз, когда ту крестили, и она еще походила на маленького сморщенного червячка, а второй… Ну, года три назад. Точно… Тогда Женька уже носилась по дому.

– Ты права. Я – гад. Мне нужно и впрямь уделять вам больше внимания. Мы могли бы куда-нибудь сходить вместе – в зоопарк там или кино, – Алла расплылась в улыбке, и чтобы сестра не решила, будто он готов сдаться, Роман поспешно добавил: – Это да, это пожалуйста. Но забрать Женьку к себе я не могу!

– Это же всего на две недели, Рома.

– Всего?! Да я вообще ничего не знаю о детях. Как ты себе это представляешь? Круглыми сутками я торчу в офисе, света белого не вижу… А потом заступать на вторую смену с ребенком?

– Ну, с бабами своими ты, кажется, против второй смены не возражаешь!

– Это другое!

– Ну, конечно, – скептически скривилась Алла. Понимая, что сестра не отступит, Поляков вытащил из рукава решающий, как ему казалось, козырь.

– Так, ладно… Вот ты такая вся из себя умная, на все у тебя есть ответы…

– Не без того.

– Тогда скажи, куда мне девать Женьку, пока я ношусь по стройкам, встречам и совещаниям?

– В детский сад! Я ее уже устроила. К восьми закинул, в семь забрал. Ну? Соглашайся, Поляков! Я же тебя никогда ни о чем не просила… А мне во как нужна эта командировка, – Алла провела ребром ладони у горла и с надеждой уставилась на брата.

– А что хоть обещают? – насупился он.

– Обещают взять меня личным помощником генерального, если я хорошо зарекомендую себя на переговорах. Это такой шанс!

Решимость Полякова пошатнулась. На Аллу столько всего свалилось в последнее время, что он был бы последней сволочью, если бы ей не помог. Восемь месяцев назад у неё погиб муж, а совсем недавно Алла решила переехать в столицу. Поближе к брату и перспективам, которые открывались в большом городе. От его помощи на первых порах сестра гордо отказалась. Сама нашла квартиру, работу, вот, даже Женьку устроила в детский сад! А теперь всего-то просила его приглянуть за племянницей.

– Я не знаю, Ал. У меня сейчас столько работы…

Алла улыбнулась, понимая, что братец спекся, и совсем по-девчоночьи затараторила:

– Ну, пожалуйста-пожалуйста, Ромка! Она же уже большая девочка, самостоятельная… В школу на будущий год…

Роман тяжело вздохнул. Постучал пальцами по столу. Отпил воды из бокала и покосился на часы. В скором времени у него было назначено собеседование с несколькими реставраторами, претендующими на участие в одном очень важном проекте. Нужно было что-то решать и сворачивать посиделки с сестрицей.

– Чую, подведешь ты меня под монастырь…

Алка вскочила, оббежала стол, за которым они обедали, и накинулась на брата с объятьями.

– Спасибо-спасибо-спасибо! Ты настоящий друг! Я тебе сувенир привезу из Лондона. Что ты хочешь?

Вообще-то он хотел бы спокойной жизни. Которая теперь, похоже, ему только снится.

– Бога ради, не вези мне весь этот хлам… магнитики, кружки…

– Ладно-ладно. Не буду. Ну, какой ты все же у меня! Ух! – Алла вскинула над головой кулак и потрясла.

– Вот-вот! Ну, ладно, мне уже надо бежать.

– Конечно! Топай… Я тебе на электронку сброшу инструкцию.

– Какую еще инструкцию? – Роман замер и оглянулся через плечо, подозрительно сощурившись.

– Да всякие мелочи. Когда Женьку прогнать спать, когда разбудить, что приготовить на завтрак. А чего ей не давать ни при каких обстоятельствах.

– Матерь божья, во что ты меня втянула?

– Привыкай, Поляков! Вот родишь своих спиногрызов…

– В следующей жизни… – пробормотал Роман и трусливо сбежал, пока сестра еще чего-нибудь не придумала. Инструкцию, бл… ин!

Офис Полякова располагался в двух минутах хода от ресторана. Вообще его страстью была реставрация. Будь на то воля Романа, он бы только тем и занимался, перебиваясь редкими государственными заказами. Но, к счастью или к сожалению, кушать тоже хотелось. И тогда Поляков организовал свое архитектурное бюро. Поначалу выезжал на самых простеньких заказах, за которые фирмы посолиднее не хотели браться. Клепал проекты перепланировки квартир, дачных домиков, что больше походили на скворечники. Ну, а со временем разросся, обзавелся именем и перспективами. Спроектировал один бизнес-центр, другой… Выиграл пару крупных государственных тендеров.

Следом в дело пошли загородные коттеджные поселки и элитные жилищные комплексы, ну, и индивидуальные проекты для местной верхушки, куда уж без них? Но это был все же бизнес. Хоть и с долей творчества. А вот душа Романа, его страсть заключалась совсем в другом. Зачастую это были вообще некоммерческие проекты. Ну, или приносящих совсем небольшие прибыли. К своим тридцать шести он стал довольно известным в узких кругах архитектором-реставратором. Вот, что ему действительно нравилось. Была какая-то магия в том, как под чутким руководством профессионалов оживали старинные, повидавшие столько всего на своем веку часовни и замки, театры и маяки.

– Роман Георгиевич! Ну, наконец-то… – Роман вскинул бровь и удивленно уставился на бегущую ему наперерез секретаршу. – Там, – толстый наманикюренный палец ткнулся в закрытую дверь его кабинета, – Царица Тамара собственной персоной.

Роман в одно мгновение подобрался. Распрямил плечи, поправил галстук и манжеты. В этом мире осталось не так много людей, чей приход мог настолько взволновать Полякова. Царица Тамара была одной из…

– Давно? – бросил он на ходу.

– Уже минут десять.

Хреново. Но не критично. В конце концов, его не предупреждали о визите, и по всем правилам делового этикета он вроде бы не облажался. Жаль, что эти правила не распространялись на небожителей. На каком там месте Царица Тамара в свеженьком выпуске Forbs?

– Тамара Егоровна! Какими судьбами? – пропел Роман, проходя в кабинет, где его наверняка порядком заждались. Царица Тамара сидела в кресле, распрямив плечи и скрестив сухонькие ноги в щиколотках. У нее был породистый нос и цепкий взгляд черных глаз. Несмотря на свой почтенный возраст, Царица Тамара красила губы ярко-алой помадой, а о ее приверженности моде и вовсе ходили легенды.

Впрочем, сейчас Роман думал не об этом. А, например, о том, какого черта эта дамочка, будь она хоть трижды царицей, рылась в его документах!

– Я по делу. Слышала, что сегодня вы собеседуете реставратора в наш проект.

Роман кивнул. Его больше не удивляла подобная осведомлённость. Тут скорее другое было.

– Неужели вы бы хотели принять в нем участие?

В принципе, ничего против такого расклада Роман не имел, хотя и предпочитал самостоятельно выбирать членов своей команды.

– Нет-нет, что вы. У меня совершенно нет времени на это все.

Вот и славно! Поляков уже в принципе определился с кандидатурой художника-реставратора, и сегодняшнее собеседование было организовано скорее для того, чтобы окончательно убедиться в своем решении.

– Тогда что же вас привело?

На стол Романа легла увесистая папка. Он и сам уже не один раз пролистал это портфолио. Неплохо, но как-то не системно, что ли. Сверху папки легла сморщенная ладонь:

– Мы её берем.

– Что, простите?

– Говорю, вот эту мы возьмем.

Так. Стоп. Минуточку. Разве не я здесь все решаю? – хотел спросить Поляков, но, столкнувшись с тяжелым царицыным взглядом – заткнулся. Нерв на щеке дернулся, выдавая смятение. Вот почему он ненавидел работать с богатеями. Те обращались с людьми, как с дерьмом. Пока Поляков прикидывал, не послать ли ему гостью к дьяволу, та с присущим ей одной изяществом выбралась из кресла, подошла к нему вплотную и похлопала по плечу:

– Да вы не серчайте, Роман Георгиевич. Не обижайтесь на старуху. Поверьте, я знаю, что делаю. Она вас не подведет. Справится.

– У нее мало опыта! Послушайте, я уже почти договорился с самим Звойничевским…

Царица Тамара покачала головой и, в очередной раз похлопав Полякова по плечу, выплыла из кабинета. Роман дождался, когда хлопнет дверь в приемной, и лишь тогда в голос выматерился. Схватил злосчастную папку, открыл первый лист. К фотографиям работ, собранных в портфолио, прилагалось небольшое резюме. Аглая Васильева… Родилась, училась… Ну, опять же все хаотично. Тут тебе брошенный архитектурный, тут тебе несколько прослушанных курсов в Сорбонне и Королевском колледже искусств. Ах, нет, этот, похоже, барышня все же добила…

– Эй! Шеф, ну, ты еще долго тут сидеть будешь? Цигель-цигель!

Роман захлопнул папку и уставился на собственного зама. И по совместительству доброго друга еще со школьных времен – Артура Макарова.

– Что?

– Говорю, ждут тебя! На собеседование, ну? Ты что, забыл?

– Забудешь тут… – пробурчал Поляков, выбираясь из-за стола и собирая папки с резюме в одну стопку.

– А что старуха хотела?

– Руки выкручивала. Вот скажи мне, откуда она знает, что сегодня у нас собеседование?

– Может, ты говорил?

– Может, и говорил.

– Так что там про руки-то?

– Ничего. Хоть бери и разгоняй всех. Её величество, видите ли, уже определились.

– Серьезно?

– Похоже, что я шучу? Вот! Знакомься. Наш новый художник-реставратор.

Роман впечатал в грудь другу папку.

– Так что делать будем? И правда, отменять собеседование?

– Вот еще! Не знаю, в курсе ли эта дамочка о том, кто за нее хлопотал… Но если нет – пусть помучается. Ей будет полезно.

– Ну, ладно. Чего ты завелся? Вроде, хорошие работы. Опять же, в Роял колледж оф арт кто попало не учится… А если запорет нам фрески – вытолкаем взашей, – свои предложения Артур высказывал на ходу.

– Я еще посмотрю, что там у нее за презентация, – сварливо заметил Поляков, прежде чем толкнуть дверь в конференц-зал, в котором уже собрались все приглашенные. Роман уселся в торце, по правую руку от него плюхнулся в кресло Макаров.

– Ну что, начнем?

Присутствующие синхронно кивнули головами. Вдруг дверь в зал распахнулась, и в нее ввалилась… эм, девушка. Щуплая, невзрачная, всклоченная до невозможности… В руках у нее была толстенная папка, которую она тут же с облегчением сгрузила на стол.

– Извините за опоздание. Аглая Васильева… еще раз извините.

И вот это будет работать с ним? За что, господи? Я же был хорошим мальчиком. Ну, почти…

Рядом, маскируя смех за наигранным кашлем, тихонько хрюкнул Артур. Роман бросил на друга недовольный взгляд. И пока Аглая Васильева усаживалась, дал слово первому претенденту. За ним последовал второй, а потом черед дошел и до Аглаи. Макаров в очередной раз хрюкнул.

– Ну, что еще? – раздраженно шепнул Поляков.

Артур воткнул в телефон и тихонько продекламировал:

– Аглая – дочь Зевса и Эвриномы. Значение слова – блеск, красота, радость… Судя по тому, что она не блещет ни красотой, ни еще хоть чем-то по крайней мере, с чувством юмора у нее должен быть полный порядок. Может, зря ты психуешь. Вдруг нам повезло?

Роман перевел полный сомнения взгляд на Аглаю, которая, видя, что руководитель проекта отвлекся, замолчала и неловко провела ладонями по костлявым бедрам.

– Продолжайте, – нахмурил брови Роман.

Честно говоря, с таким же успехом Аглая могла бы просто молчать. Поляков так сильно обозлился, что вовсе её не слышал. Те предложения и замечания, которые бы в обычной ситуации полностью его захватили, сейчас проходили мимо него.

– Слушай, а мне понравилась! – подвел итог Макаров, когда все закончилось.

– Что именно?

– Ее презентация. Кажется, девочка нам попалась толковая.

– Ничего особенного. Я бы предпочел Звойничевского. Вот, у кого школа. А это… так. Недоразумение какое-то. Ни рожи, ни кожи, ни нужного уровня. – Роман шагнул в бок, пропуская выходящих из лифта, и наткнулся взглядом на светло-серый, как будто прозрачный, Аглаин взгляд.

Приплыли.

Глава 2

В тот день было полно работы. Роман освободился ближе к ночи, и хоть сил ни на что не осталось, в бар все же свернул. Хотелось выпить. Чтобы успокоить расшалившиеся нервы. Рядом привычно зудел Макаров:

– Я только пива безалкогольного выпью и сразу домой.

– Что так?

– Пфф… Ром, у меня жена вообще-то, ребенок маленький.

– Ну да, ну да! Прощай счастливые деньки. Разве я не предупреждал тебя?

– А разве я жалуюсь?

– Так сам говоришь, что домой…

– И это прекрасно, шеф!

– Стареешь, – растянул губы в акульей улыбке Поляков. – Либо врешь.

– Вру? С чего бы, Ром? Устал я от этой движухи, она мне не в кайф.

– Ну-ну, – недоверчиво протянул Роман.

Сам Поляков был полностью доволен своей жизнью. Днем встречи, проекты, совещания, вечером – клубы и красивые женщины. Так он чувствовал, что в обойме. Вот он я. Молодой, креативный, успешный. Тридцать пять! Разве это возраст для мужчины? Роман был уверен, что нет. Ну, или пытался в том себя убедить, отгоняя прочь мысли о стремительно ускользающем времени. И спешил… спешил все успеть, урвать от жизни по максимуму.

По случаю понедельника народу в пабе было немного. У барной стойки – мужик в костюме, чуть дальше – размалеванная девица. Поймав взгляд Романа, та улыбнулась и поправила кулон на шее, привлекая внимание к тяжелой, выставленной напоказ груди. Поляков сделал заказ, включив в него шампанское для Буренки. Так он про себя прозвал незнакомку за ее комично длинные накладные ресницы, и, не проявив больше к ней интереса, развернулся к другу.

– По поводу детей…

– Да?

– Ты не знаешь, где можно найти няньку?

– Няньку? Ты для себя интересуешься? – заржал Артур.

– Ха-ха, – скривился Роман, опрокидывая первую порцию алкоголя, – Вот ты ржешь, а у меня, между прочим, проблема.

– Которая решается при помощи няньки?

– Меня Алла попросила её выручить. Скинула на меня дочку, – Роман выпил еще один шот и слегка поморщился, когда Макаров опять заржал.

– Прощай спокойная жизнь, да, Поляков?

Роман отсалютовал рюмкой:

– Считай, что ты на её поминках.

– Тогда не чокаясь, – хрюкнул Артур.

– Так что там с няней?

– Ну, это сплошной гемор. Правда.

– Почему?

– Да потому, что среди тысяч анкет довольно сложно найти человека, которому ты мог бы доверить ребенка. Знаешь, сколько в этой сфере неадекватов? Запросто можно напороться на какую-нибудь маньячку.

– Серьезно?

– Угу. Мы когда Юльке няню искали – такого в интернете начитались. Бррр…

– И что же мне делать?

Артур картинно задумался. Снова заржал и, пихнув друга в бок, предложил:

– А ты найди себе бабу на это время. С ребенком это сделать проще простого. Они все ведутся на мужика с дитем, это их кинк.

– На меня и без ребенка ведутся, – не соврал Роман.

– Что есть – то есть. Эх, смазливый ты чертяка… Ну, так что? Когда у тебя дед-лайн?

– А?

– Говорю, когда Алка умотает?

– Так завтра.

– Ну, тогда тебе нужно поторопиться. Не буду мешать, – Артур спрыгнул с высокого табурета и, склонившись над Поляковым, шепнул, – вот эта за баром – сильно так себе, а за столиком в углу – Кристина. Помнишь, ты с ней встречался пару раз? Вроде, ничего девочка. Недели на две тебя точно хватит.

Роман хмыкнул, глядя вслед удаляющемуся другу, и потом перевел ленивый взгляд на девушку. И правда красавица… Значительно лучше Буренки. Темные густые волосы, сочные губы… Вспомнить бы, как они с ней расстались, а то ведь можно и в морду получить. Мало ли. Поляков встал и, обаятельно улыбаясь, пошел к давнишней подружке. Вот не зря за ним укоренилась слава сердцееда!

На то, чтобы наладить когда-то оборвавшуюся связь, ему потребовалось не так уж и много времени. Роману бы радоваться, что все устроилось лучшим образом, но стало неинтересно. Совсем… Все реже он чувствовал себя охотником. Все чаще – жертвой хищниц.

Всю дорогу до дома Кристина болтала. Роман кивал, отвечал невпопад что-то и то и дело пялился в залитое дождем окно. Зима отступала, сдавалась под натиском наступающей на землю весны. Снег почти сошел и лишь кое-где по обочинам лежал пожухшими грязными кучами. По прикидкам Полякова, через неделю-полторы они уже могли приступить к гидроизоляции стен дворца Никоновых. Хорошо хоть, с усилением фундамента успели до заморозков, не то бы процесс затянулся. Впрочем, Роману было грех жаловаться на медлительность и нерасторопность. Благодаря Царице Тамаре перед ним распахивались любые двери. Они провели целую кучу исследований и экспертиз, перелопатили все имеющиеся архивы, создали проект, которому не было равных, и тут же приступили к работе.

Говоря откровенно, этот проект развязал Полякову руки. Позволил в полной мере проявить себя и собственный талант архитектора. Вывел его на совершенно другой уровень. Ответственность была колоссальной. Царица Тамара стелила хорошо, но и спрос был такой, что мама не горюй. Для неё реконструкция дворца Никоновых была делом если не всей жизни, то последних её лет – так точно. Впрочем, обо всем по порядку.

Когда с Романом связались представители семьи Кошман, он сначала решил, что те задумали строить новую семейную резиденцию, ну, или, на худой конец, очередной офис. Архитектурное бюро Полякова к тому моменту уже сотрудничало со многими богатеями, но никогда – с людьми уровня Кошманов, которым в этой стране принадлежало если не все, то очень и очень многое. Роман волновался, готовился к встрече, но все равно оказался совершенно к ней не готов.

На встречу с Поляковым Царица Тамара явилась лично. Хотя считалось, что она полностью отошла от дел семьи еще пять лет назад. В день своего семидесятипятилетия.

– О вас ходит слава азартного, увлеченного делом реставратора… Не врут?

– Есть такое, – стараясь вести себя максимально естественно, пожал плечами Роман.

– Как вы смотрите на то, чтобы взяться за восстановление дворца Никоновых?

– Скептично. Это памятник архитектуры, согласования займут полжизни. Да он скорей рухнет, чем мы получим разрешение на реконструкцию…

– А если я скажу, что у вас полный карт-бланш?

– Тогда я скажу, что это очень и очень круто, – так и не сумев скрыть собственного восхищения и восторга, недоверчиво прошептал Роман. И, наверное, этой своей реакцией он заработал несколько баллов в глазах заказчицы. Во всяком случае, так ему показалось, когда Царица Тамара отвернулась к окну, пряча улыбку.

Никакой царицей Тамара Кошман, конечно же, не была. Это прозвище дали ей в офисе Полякова после её неожиданного к ним визита.

– Видите ли, Роман Георгиевич, я много лет готовилась к этому событию, изучала архивы, судилась, добиваясь возвращения замка в частную собственность. Вы, наверное, не в курсе, но это поместье – родовое гнездо моего любимого мужа. Покойного Александра Васильева… Некоторые его наброски я видела в вашей приемной, так что, думаю, вы в курсе, кто это… – Роман качнул головой. Еще бы! Васильев был его любимым художником. – Так вот, предки Саши очень пострадали в революцию, их имущество было конфисковано, а сами они репрессированы. Вы должно быть наслышаны, как это происходило с дворянством, не мне вам рассказывать. В память о муже для меня очень важно вернуть его родовому гнезду былое величие.

– Вы планируете там жить? – осторожно поинтересовался Поляков.

– Господь с вами. Нет… Это будет музей.

Вот так все и закрутилось. И шло довольно гладко, пока Царица Тамара не навязала ему эту… Аглаю.

– Эй, Ром… – ручка Кристины, опустилась на его ногу и осторожно погладила, возвращая с небес на землю.

– М-м-м?

– Кажется, ты меня совсем не слушаешь…

– Вот еще. Я весь внимание.

– Спрашиваю, надолго ли к тебе переедет племянница?

– А что, с этим какие-то проблемы?

– Нет. Нет, что ты…

– Тогда о чем разговор? – обаятельно улыбнулся Поляков, перехватывая ладонь Кристины и смещая ее чуть выше. Прямо на образовавшийся в штанах бугор. К счастью, его спутнице не нужно было объяснять, что с этим всем делать дальше. Прелюдия началась еще в лифте и продолжилась уже в квартире затяжным секс-марафоном. Кристина довольно натурально постанывала, и Поляков был полностью удовлетворен. Не ей, а самим собой. Есть… е-е-есть еще порох в пороховницах!

Утром чуть не проспали. Точнее, он чуть не проспал. Кристине, судя по всему, торопиться было некуда. Поляков сунул кусочки хлеба в тостер и, не церемонясь, вытряхнул на стол содержимое сумочки любовницы. Взял телефон. Набрал свой номер. В ее записной книжке он значился как «Роман-кобель-архитектор», она в его – как «Крис-руки-ножницы».

Тостер звякнул, Роман почесал в затылке. Возможно, ему стоило поискать другую женщину на роль Женькиной няньки. Эта была нормальной лишь при беглом осмотре. А на деле оказалось, что Кристина – та дурочка, которая, приревновав его к кому-то в клубе, потом изрезала маникюрными ножницами кожаную обивку в его новеньком БМВ. Поэтому, собственно, она и не задержалась в его жизни даже на положенную пару недель. Крис-руки-ножницы… Почему она, господи?

Если бы у него было чуть больше времени, Роман непременно бы что-то придумал. Но шансы найти новую няньку за двенадцать часов были равны нулю. Поэтому выбора не оставалось.

– Эй, Кристин, смотри, не забудь забрать Женьку. Скажи, что от меня.

– Угу…

– Садик «Колокольчик» на Юности, помнишь?

– Угу…

– Ключи на полочке. Я тебе еще позвоню, напомню…

Как обычно, работа закрутила. Две встречи в градостроительной комиссии, одна – с потенциальным заказчиком. Проекты, сметы, счета, телефонные переговоры. Как к нему пробилась Алла – бог его знает, но, хорошо, что все же пробилась.

– Ну, слава богу! Я уж думала, не дозвонюсь!

– Привет, систер. Ты как, приземлилась?

– Уже два часа как, – фыркнула Алла. – Ты как, про Женьку не забыл?

Роман замер с занесенной над блокнотом рукой. Покосился на часы.

– Нет! Нет, конечно, ты как скажешь!

– Это хорошо. Садик закроется через час.

– Угу, я помню.

– Инструкцию прочитал?

– Эээ… Нет. Заработался, правда.

– Я так и знала!

– Ну, ты в двух словах самое главное обозначь, а вечером я непременно… Зуб даю.

– Заберешь ее, поедешь к нам. Слева соседка – возьмешь у нее ключ. Сразу у двери стоят вещи в пакетах. Это Женькины. Заберешь.

– Угу… Что еще?

– Остальное в инструкции! Отпишись, когда с Женькой встретишься.

– Угу.

Поляков отбил вызов и тут же принялся звонить Кристине. Один гудок, другой… Без ответа. Роман вскочил, схватил пиджак и помчался к лифтам, ругая себя, на чем свет стоит. Нашел, кому доверить ребенка! Безответственный идиот! Ну, ничего. Еще целых сорок минут до закрытия. Он успеет. Если повезет…

К счастью, дороги были свободными, и навигатор в этот раз не подвел. Поляков выскочил из машины и помчался к центральному входу. На подходе был остановлен старушкой-вахтершей, которая старательно переписала данные его паспорта в толстый журнал и любезно объяснила, как найти Женькину восьмую группу. Перепрыгивая через две ступеньки, Роман поднялся на третий этаж, толкнул дверь и замер, оглушенный чувством вины. Женька сидела, понурив плечи, на скамье в раздевалке. Она была полностью одета и ждала, видимо, только его.

– Ну, что, племяш, заждалась?

Девочка подняла темные ресницы и глянула на Романа полным тоски взглядом. Он сглотнул.

– Обиделась, что я опоздал? Или не узнаешь? Так это я! Дядя Роман, помнишь? Ну, что ты сидишь? Пойдем! Вот ты куда хочешь? В цирк или зоопарк?

– Цирк с зоопарком закрыт, наверное, – тоскливо вздохнула девочка.

– Правда? Ну и ладно. Значит, сходим на выходных. А пока можем пойти в пиццерию или кино. Как тебе такой вариант?

Девочка робко улыбнулась и, нерешительно на него поглядывая, вложила в его руку свою маленькую ладошку.

Пицца была вкусной. Собеседница – неожиданно интересной. Посмеиваясь, Роман наблюдал за племянницей, выискивая в ней черты сестры или же покойного зятя, но так и не находил. Лишь когда им принесли счет, он вспомнил, что забыл забрать Женькины вещи. Потянулся к кошельку за деньгами, да так и замер с открытым ртом.

– Поляков Роман Георгиевич? – спросил у него огромный мужик в полицейской форме.

– Да, я… – подтвердил Роман, настороженно глядя в дуло направленного на него пистолета.

– Пройдемте с нами. Вы арестованы по подозрению в похищении человека.

Глава 3

Наверное, это не должно было настолько сильно её задеть. Но почему-то задело так, что второй день Аглая только об этом и думала. И никак не могла прийти в себя. Вернуть душевное равновесие. Не помогали ни йога, ни работа, на которой ей уж точно следовало сосредоточиться. Заработанные в Германии деньги, конечно, давали ей некоторую свободу, но рассчитывать лишь на них не стоило.

Может, из-за этого её так и колбасило? Из-за работы, которая, скорее всего, ей не достанется? Работы, которую Глаша так сильно, так отчаянно хотела заполучить? Сама. Без всякой протекции. Потому что только она, Аглая Васильева, как никто другой понимала, что нужно сделать и как. Только она столько времени готовилась к этому проекту… Считай, всю свою жизнь готовилась! Только она знала всё, вот вообще всё об истории этого места. Только ей оно снилось, когда она была маленькой, и только ей по праву принадлежало?

Да, наверное. Все дело в этом. А этот бестактный напыщенный смазливый индюк ни при чем! И его слова… Они ведь не могли задеть её?

«Ни рожи, ни кожи, ни нужного уровня»…

Так, кажется, он сказал?

Аглая отбросила карандаш, встала с дивана и подошла к зеркалу. Ну, ладно… Может быть, она и не красавица. Пусть… Но что не так с ее уровнем?! С чего этот гад решил, что может ставить под сомнение её квалификацию? Да, она была достаточно молода, но кто сказал, что реставратор – это обязательно мужичок с сединами? Что это за сексистские предрассудки? Да будь они в Европе, она бы этого Романа Георгиевича по судам затаскала, а так… Пришлось проглотить. А теперь от этого тошно.

Ну, вот как прикажете работать в таком настроении? Оставив все попытки, Глаша прошлась по комнате и с ногами взобралась на подоконник. Она сняла квартирку в типовой многоэтажке в спальном районе, поэтому ничего примечательного за окном не наблюдалась. Серость… повсюду серость. Ярким пятном – лишь вывеска парикмахерской, в доме на противоположной стороне улицы. Аглая накрутила на палец локон и задумчиво прикусила губу. А потом вскочила, выбежала в коридор, схватила с вешалки куртку и, пока не передумала, рванула вниз по лестнице.

В парикмахерской никого не было. Лишь за столиком в уголке работала маникюрщица.

– Вы ко мне?

– Нет! Мне бы подстричься.

– Та-а-ань! Ну, все. Хватит реветь. Иди, вон, к тебе клиенты. – крикнула та, что есть мочи.

Из закутка, отделенного от общего пространства комнаты стеллажом, уставленным всякими разными баночками и флакончиками, выглянула дородная дама неопределенного возраста.

– Первый раз у меня? – спросила она, утирая распухший нос.

– Первый, – чистосердечно созналась Глаша.

– Оно и видно. Ну, присаживайтесь и рассказывайте. Что будем делать с вашим безобразием, а?

– Стричь!

– И красить…

– Красить?

– Да. Я вам бы очень рекомендовала добавить красок, – Таня с шумом высморкалась и принялась раскладывать перед собой инструмент. Аглая задумчиво на себя посмотрела в отражении зеркала, перевела взгляд на плакат с рекламой какого-то средства для укладки волос и осторожно поинтересовалась:

– А вот так… Вот так тоже можно?

Мастерица проследила за ее взглядом и, решительно кивнув, всхлипнула:

– Можно все!

А потом Таня стригла Аглаю. Плакала, сморкалась, рассказывала, какой гад ее муж Жорик, и снова возвращалась к работе. Смешивала краски, добавляла колора. Что-то там осветляла, смывала, наносила опять. И снова плакала. А все присутствующие её утешали и соглашались, да, Жорик все-таки гад. Но хоть не пьющий. Аглая же большей частью помалкивала и лишь с тревогой время от времени косилась на часы. Ей нужно было забирать дочь из сада, а процесс преображения уж слишком затянулся.

– Ресницы с бровями тоже нужно покрасить! – Таня решительно кивнула своим мыслям и приступила к осуществлению своего плана. Аглая не успела и рот открыть.

К моменту, когда все закончилось, Глаша уже была в полнейшем отчаянии:

– Извините, но если мы сейчас не закончим, я опоздаю за ребёнком в детский сад!

– Сейчас, сейчас… Последний штрих! Вуаля! – Таня развернула Аглаю к зеркалу и удовлетворенно улыбнулась. – Ну, девчонки, что скажете?

– Чума…

Аглае же было не до этого совершенно. Она вылетела из кресла пулей, расплатилась и рванула прочь со всех ног. Оказалось, что пока она сидела в парикмахерской, выпал снег. Глаша бежала, утопая в подтаявшей снежной каше, и ругала себя за то, что все же не уследила за временем. Когда она влетела в холл детского сада, на часах было без двух минут семь.

– Вы куда?

– Так за дочкой, – растерялась Глаша, – Даша Васильева… Мы уже вторую неделю ходим.

– В саду не осталось детей, – покачала головой милая старушка-вахтерша. – Только вот… Женя Кирицина. Что-то опаздывают за ней.

– Извините, но это какая-то ошибка. Дашу не могли забрать.

– Как же не могли? Вы позвоните папе, бабушкам…

– Я еще раз повторяю, что Дашу могла забрать только я!

– Тетя Глаша, – раздался тоненький голосок, – но Даши и правда нет в группе. Я последняя… Вот.

Стараясь унять рев в голове, Аглая перевела взгляд на личико сидящей в каморке вахтера девочки. Тоже новенькая. На этой почве они с ее Дашкой и подружились. И Аглая с мамой Женьки тоже несколько раз общались. Алла… Кажется, так ту звали.

– Стоп! Погодите… Что значит, Даши нет в группе? Куда она в таком случае делась?

– Ее мог забрать отец… или бабушка с дедушкой…

– Не могли! Сколько раз мне это повторить? Не могли! – Аглае казалось, что ее мир рушится. Ужас стальным обручем сковал сердце. Трясущимися ладонями она отвела пряди от лица. Думай, Аглая, думай… Если это как-то связано с выкупом, то медлить нельзя ни секунды!

Застывая где-то на краю паники, Аглая пошарила в карманах, набрала выученный наизусть номер и с силой зажмурилась.

– Привет, пропажа! Ну, наконец-то ты объявилась, – раздался зычный голос на том конце вязи.

– Паш! Ну, слава богу, я дозвонилась. Даша пропала…

– Как пропала? – из голоса мужчины вмиг ушла вся веселость. Теперь в нем звенел металл.

– Я не знаю. Утром я привела ее в садик, а когда пришла забирать – оказалось, что ее нет! Паша, Пашенька, братик, пожалуйста…

– Я все понял. Будь на месте. С тобой скоро свяжутся.

Павел ничего больше не спрашивал. Ни в какой садик ходила Дашка, ни где их найти… Павел не спрашивал, а Аглая не удивлялась. Она не была наивной. Теперь уже не была. Да, семья предоставила ей свободу. Но было бы глупо думать, что они оставят ее без присмотра. Кошманы так никогда бы не сделали.

Люди, посланные братом, появились в саду практически сразу же. Два незнакомых мужчины и…

– Василий Иванович! – Аглая рванула к бессменному директору службы безопасности корпорации Кошманов и впилась взглядом в его лицо. Непонятно,

как они так быстро добрались. Ну, не на вертолете же долетели. Хотя… Почему бы и нет? – Думаете, кто-то выкрал Дашу ради выкупа?

Аглая находилась на грани истерики, ее зубы стучали так сильно, что слова давались с трудом.

– Пока об этом рано судить. Юр, давай начнем с камер. И подключите Шмакова… что мы ему министерский портфель зря выбили? Только осторожно. Чтобы без шума. А то эти полицейские – такие менты…

Вахтерша и маленькая Женя Кирицина наблюдали за разворачивающимися событиями, открыв рот. Аглая же нервно сжимала руки, впившись взглядом в экран монитора, по которому помощники Василия Ивановича просматривали записи камер видеонаблюдения.

– Стоп! Да вот же она… – Аглая упала на колени и коснулась пальцами маленькой фигурки дочери. – А это… Это же Поляков! Что он делает рядом с моей девочкой?

– Ты его знаешь?

– Конечно! Это архитектор, которому мама поручила восстановление дворца Никоновых.

– И правда, он, – присвистнул Василий Иванович и скомандовав помощнику приблизить изображение, снова принялся кому-то звонить.

– Это мой дядя, – всхлипнула Женька. Четыре пары глаз впились в заплаканное лицо девочки. – Дядя Рома. Это он меня должен был забрать… Но, наверное, Даша ему больше понравилась.

– Вечер перестает быть томным, – усмехнулся Василий Иванович. – Ну, Аглая Александровна, выдыхай. Думаю, тут мы имеем курьезный случай, а не умышленное преступление. Ну-ка, скажи, милая, ты своего дядю давно видела?

Женя всхлипнула:

– Вчера. Мне мама фото в журнале показывала. – Девочка шмыгнула носом.

– А не в журнале?

– Давно…

Женька еще храбрилась, но, видимо, сил больше не осталось. Секунду спустя она в голос заревела, размазывая кулаками слезы по лицу. Аглая бросилась утешать девочку и едва не пропустила, когда Василию Ивановичу позвонили, чтобы сказать, что Дашу нашли по горячим следам.

– Слава тебе, господи! – перекрестилась побелевшая вахтерша, но Глаша ее уже не слышала, она бежала вслед за широкой спиной Василия Ивановича, чтобы скорее увидеть дочку.

– Погоди, Глаш… Надо решить, что с девочкой делать. Ну, не оставлять же ее здесь, если ее горе-дядя совсем в другом месте?

Аглая растерянно оглянулась.

– Жень, поедешь с нами? Мы тебя отвезем к твоему… дяде, – последнее слово Аглая разве что не выплюнула. Женя нерешительно кивнула и встала со стульчика.

– Только у нас автокресла нет. Будем нарушать, – как если бы это его и впрямь тревожило, заметил Василий Иванович. Аглая промолчала. Ей только одного хотелось – поскорее увидеть дочь. Обнять ее, прижать худенькое тельце покрепче к себе и никогда не отпускать.

– Василий Иванович…

– Да? – оглянулся Гуров.

– Вы только маме… то есть… Тамаре Егоровне ничего не говорите, ладно? Не нужно ей волноваться. И брата предупредите, чтоб не говорил.

Первой, кого Аглая увидела, зайдя в полицейский участок, была её дочка. Дашку, кажется, произошедшие события ничуть не смутили, она пила чай с конфетами и о чем-то болтала с девочкой-следователем.

– Дашка, – заставляя подчиниться сжавшееся горло, прокаркала Аглая, – доченька…

– О, мам, привет!

– Привет, горе луковое. Ну, скажи… скажи мне, пожалуйста, ты почему за чужим пошла? – по лицу Аглаи катились слезы, и она прятала их, зарывшись в темные, так знакомо пахнущие Дашкины волосы.

– Так я думала, его за мною послали… Ну, перепутал мое имя, подумаешь. Что, в первый раз?

Аглая упала на колени, обхватила дочь за плечи и заглянула в глаза. Она много… очень много работала. И порой, да, ей приходилось просить кого-то забрать дочь из сада. Чаще всего волонтеров или студентов-практикантов, которые в реставрационных проектах обычно подвязывались на мелкие, не требующие специальных навыков работы. Но, очевидно, ей нужно было найти какой-то другой выход!

– Ладно… Ладно, мы еще поговорим об этом… – вина жгла изнутри все сильней. Аглая стащила с головы шапочку и растерла гудящий лоб.

– Ух, ты! Какие у тебя волосы огненные! – восхитилась Даша.

– Тебе нравится?

– Очень! Просто класс!

Аглая снова всхлипнула. В который раз за вечер обняла дочку и вопросительно уставилась на вошедшего в кабинет полицейского.

– Я хотел уточнить, – промямлил он, переступая с ноги на ногу.

– Да?

– Что нам с задержанным делать? С этим… Поляковым. Я так понимаю, вышло недоразумение, но, если вы считаете иначе, то тогда, конечно, мы спросим по всей строгости… – капитан покосился на Гурова, который все это время молча стоял в сторонке.

– Да отпустите вы его. И беседу проведите, что негоже это – свою племянницу в лицо не знать.

– Так мы уже провели, Василий Иваныч.

– И как, есть эффект?

– Да вроде проникся.

– Ну, отпускайте тогда… Что ж теперь, – усмехнулся Гуров. А потом, закрыв для себя тему, обратился к Аглае: – И мы поедем, да, Глаш? Доставлю вас домой в лучшем виде.

Еще совсем недавно Аглая гордо отказалась бы. Как в свое время отказалась от любой помощи Кошманов, чтобы доказать матери и братьям, что тоже чего-то стоит. Но сегодня ей не хотелось кому-то что-то доказывать. Она так сильно испугалась за дочь, что липкий страх все еще ощущался холодом за грудиной.

– Было бы здорово.

– А ты, Юр, в сад возвращайся. Там директриса должна подъехать. Надо бы ей объяснить, что да как, чтобы такого больше не повторилось. Охрану нормальную поставить…

Аглая открыла рот. Но так и не нашла в себе сил возразить. Да и не надеялась, что Кошманы смогут закрыть глаза на произошедшее. Шансы на это ровнялись нулю.

– А я? – вдруг напомнила о себе до этого молчащая Женька.

– А тебя дяде отдадим. Не волнуйся. Вот прямо сейчас и отдадим. – Аглая натянула на уши шапку и обратилась к дочери: – Даш, ты иди с Василием Ивановичем. А я скоро вас догоню.

По мере того, как ужас рассеивался, к Аглае возвращалась способность мыслить. А что, если… Прерывая мысли Глаши, в одном из кабинетов открылась дверь, и на пороге возник Поляков. Собственной персоной. Выглядел он немного помятым, но, кажется, этому гаду даже помятость была к лицу. Он мазнул равнодушным взглядом по Глаше и дальше… вниз.

– Привет. Это я – Женька.

– Женька?! Как ты здесь…

– Меня Аглая Александровна привезла. А ты что, правда, меня попутал с её дочкой?

Роман не ответил. Он тряхнул головой и, опустившись перед девочкой на колени, прижал ее к себе, что есть сил.

– Господи, Женька… Это и правда ты.

– Извините, Роман Георгиевич, но моя дочь взволнована, и мне нужно быть с ней.

– Да, конечно. Я… я могу что-нибудь для вас сделать?

– Безусловно. Нам нужно поговорить. Наедине, если это возможно.

Глава 4

– Отходим мы с ней в сторону, и она, значит, и говорит: «Ну, вы же не хотите проблем, Рома-а-ан Георгиевич!» И, гаденько улыбаясь, на меня смотрит!

– Да ладно? Эта серая мышь?!

– В тот момент она больше походила на акулу!

– А ты что?

– А я охуел, Арт… Что я? И так ведь обосрался по полной. Стою – дурак дураком, а тут еще она: «Я закрою глаза на то, что было, если вы возьмете меня в проект!».

– Слушай, ну, так пошли ты ее подальше! Дерни юристов, им наверняка будет легко доказать отсутствие в твоих действиях злого умысла, или как это, у них, называется?

– Ну, докажут они, и что?! Один хрен мне эту сучку брать надо. Царица Тамара это явно дала понять. И тут уж мне не отвертеться.

Макаров присвистнул и откинулся на спинку кресла.

– Дела-а-а…

Роман уткнулся лбом в сложенные вместе запястья. Дожился! И это хорошо, что Женька еще не проболталась матери о произошедшем. Иначе Алка бы его даже из Лондона достала. Достала и придушила бы.

– Слушай, ты не подумай, я не издеваюсь…

– Заход так себе, Макаров…

– Нет, я серьезно! Ну, ты что, правда Женьку не узнал?

– Женьки в группе не было! Это уже потом она рассказала, что ее водили в медпункт, она палец листом раскраски порезала. А эта сидит… видно же, ждет. Плечи повесила. Я ж и без того себя виноватым чувствовал из-за этой Кристины, чтоб её черти жарили, а когда девчонку увидел, всю такую в печали – думал, себя сожру. Да они и похожи… чем-то, – оправдывался Роман, – темненькие обе, глазастенькие. Я ведь Женьку года три не видел. Сам знаешь, когда мне было…

– Ну, а в соцсетях, инстаграмах всяких?

– Алка – суеверная. Фотки малой только со спины постила. И главное, всякую хрень из демотиваторов в вайбер мне скидывает, а чтобы фото племянницы прислать – так хрен.

– Ну, да! – заржал Макаров. – Еще скажи, что это она виновата в твоем эпикфэйле.

– А разве нет? В том числе и она виновата… А эта серая мышь? Ладно, я заработался, а чем она так была занята, что ребенка вовремя из сада не забрала?

Артур лишь развел руками:

– Мало ли. Всякое могло случиться.

Дверь в приемную открылась, и на пороге возникла секретарша:

– Роман Георгиевич, я Женечку накормила пирогами и включила ей мультики в конференц-зале. Ничего?

Вообще-то, следуя инструкции Алки, которую Роман прочитал от корки до корки из чувства вины, следовало, что на обед Женьку надо кормить куриным супом или рассольником. Но пироги-то домашние. Он бы и сам съел. Только не предлагал никто. Поди, не отравится.

– Все правильно, Нонна Игоревна. Спасибо.

Дверь за секретаршей закрылась. Поляков наткнулся на странный взгляд друга. Его плечи подозрительно подрагивали. Если и этот начнет с него ржать… будет паршиво. Арт затрясся еще сильнее и, наконец, в голос захохотал, похлопывая себя по ляжкам:

– Поверить не могу, что ты в такое вляпался! Забрать из сада не того ребенка. Ты хоть своих запомнишь-то? Я бы на твоем месте уже не рисковал. Слушай, может, ты ему тогда какой-нибудь маячок присобачь, а? Прогресс тебе в

помощь, как говорится! – веселился предатель, вытирая струящиеся по лицу слезы. Демонстративно проигнорировав друга, Роман зарылся в разложенные на столе бумаги и сделал вид, что ничего интереснее их не видел.

– Все сказал? – обдал холодом, когда Артур отсмеялся. – Может, теперь вернешься к работе? Слава богу, она пока у тебя есть, но это довольно просто исправить…

Макаров вскинул руки в примирительном жесте.

– Да ладно. Не злись. Это правда очень смешно.

– Обхохочешься…

– Слушай, а Кристина, что? Так и не объявлялась?

– Нет. Впрочем, это и хорошо. Не то бы я ей шею свернул, – отрезал Роман, впрочем, нисколько себя не оправдывая. Он тоже хорош. Нашел, идиот, кому доверить ребенка!

– Угу, ну ладно. Тогда я и впрямь пойду. Нужно еще раз пересмотреть документы к завтрашнему тендеру.

– Погоди, – вдруг опомнился Поляков, – ты еще это… Попробуй узнать, как эта Аглая может быть связана с Кошман. С чего бы той о ней хлопотать? Как я понял, эта стерва и знать не знала о том, что я уже по рукам связан. Иначе не стала бы меня шантажировать.

– Интересно, как я это сделаю? Я ж не следак, Ром!

– Посерфь в гугле. Там сейчас можно найти все, что угодно. Мне тебя, что, учить?

Макаров закатил глаза и, взмахнув рукой, мол, не надо, разберусь сам, отчалил. Поляков, наконец, сосредоточился на работе, бесконечно отвлекаясь на телефонные переговоры.

Пропущенный от прораба, отвечающего за работы во дворце Никоновых, Роман заметил не сразу. Просто переключился на обсуждение технического задания с одним из проектировщиков и прослушал звонок. Тут же перезвонил, потому что этот проект был у него в приоритете, и нахмурился, вслушиваясь в слова мужчины. Тому приходилось перекрикивать шум работающего в полную мощь инструмента и понять, о чем он говорит было непросто.

– Постойте… Фресок вообще не нужно касаться…

– Да в курсе я! В курсе, вы же ясно дали понять! Речь о новых, тех, что мы под старым слоем штукатурки обнаружили. Над камином в малом зале…

– Как обнаружили? Что, вот только сейчас?

– Именно! Мы же, как вы велели, сегодня стали счищать штукатурку, чтобы просверлить дыры под инъекторы-электроды…

– Да…

– А там, говорю же, фрески! Они у нас не учтены нигде. Что делать будем? Сверлить или…

– Ни в коем случае! – проорал Роман, вскакивая. – До моего приезда – никаких работ. Попробуйте осторожно освободить участок от штукатурки, чтобы иметь представление о площади картинки. И на этом все.

– Если там не просверлить дыры – придется всю электросхему менять… – бубнил Виктор Сергеевич, не слишком обрадованный такой перспективой.

– Придется – значит, будем менять! – отрезал Поляков. Сверился с часами и с досадой поморщился. – Я завтра приеду, сам посмотрю. Пока ничего не трогайте! – на всякий случай напомнил он.

– Есть не трогать, шеф, – тяжело вздохнул Виктор Сергеевич.

Роман коротко попрощался с подрядчиком и задумчиво уставился в окно. С такого расстояния там ничего толком не было видно. Даже макушки деревьев

были значительно ниже. Но если дождаться вечера и подойти чуть ближе, из них открывался просто потрясающий вид на город. Поляков провел много часов, стоя у этого огромного, от пола до потолка, окна.

Скорее бы увидеть эти чертовы фрески… Романа сжирало нетерпение. И если бы не необходимость заботиться о племяннице, он бы рванул на объект, не задумываясь. А так придется ждать утра и снова вести Женьку в садик, в который он обещал себе больше не показывать носа.

Да что же это, мать его, за дерьмо!

А потом Полякова будто бы осенило. Он выскочил из кабинета и рванул в отдел кадров.

– Васильева приходила?

– Как раз у Елизаветы Михайловны оформляется, – отрапортовала помощница той самой Елизаветы Михайловны. Роман успел лишь качнуть головой, как в кабинет выплыла сначала его кадровичка, а следом – змея Аглая, собственной персоной.

– Вы мне нужны, – нахмурился Поляков, обдавая взглядом вмиг стушевавшуюся девицу. В тот момент ему показалось, что в её глазах мелькнуло раскаяние, но Роман тут же отмахнулся от этой мысли, как от несостоятельной и даже опасной. Она сама начала эту войну. В которой его устроит разве что только победа. И никакие виноватые взгляды его не разжалобят. Тем более, что секундой спустя никакой вины в них не осталось и вовсе.

– Господи, что у вас на голове! – не сдержался, пропуская вперед горе-реставраторшу.

– Волосы, – спокойно глядя в его глаза, ответила та. Роман моргнул. Взбешенный безмятежностью, прозвучавшей в голосе девушки. На фоне Аглаиной сфинксской невозмутимости собственное поведение казалось Полякову каким-то взбалмошным и незрелым. Какое ему вообще дело до того, в какой цвет эта женщина выкрасила свои волосы? Ясно, какое! В природе все ядовитые твари имели яркий окрас. А зачастую еще и раздвоенные языки или мерзкие щупальца. – Так у вас ко мне какое-то дело?

– Ну, не просто же так я вас позвал. – Взгляд Романа скользнул по золотой табличке на двери, из которой следовало, что за ней находится конференц-зал. Он решительно нажал на ручку и втолкнул Глашу в открывшийся проем. В свой кабинет вести эту дамочку ему почему-то совсем не хотелось. – Пять минут назад мне позвонил прораб и сказал, что под слоем штукатурки в малой гостиной обнаружили ранее неизвестные фрески. Мне нужно, чтобы вы на них посмотрели.

– Что?! – От удивления и неверия Аглая даже чуть приоткрыла рот. – Постойте… Я, кажется, встречала упоминания о том, что в оформлении старой баши, уцелевшие остатки которой удалось вписать в новый проект дворца, использовались фрески, но в более поздних источниках об этом не упоминалось, и я решила, что допустила ошибку в переводе…

– Переводе? – изогнул бровь Поляков.

– Да, – отмахнулся Аглая и, кусая губы, прошлась по комнате. Выглядела она при этом настолько возбужденной, что Роман на секунду на ней залип. Ох, как ему это было знакомо! Черт… Все же находки подобного рода намного лучше, чем секс. – Эти источники были датированы концом семнадцатого века. С тех пор фонетика и морфология языка подверглись существенным изменениям. А я все же не лингвист…

– Постой… Ты хочешь сказать, что владеешь древненемецким? – Перешел на «ты» Роман.

– Нет. Вы что? Эпоха древненемецкого языка закончилась еще в одиннадцатом веке…

– Спасибо за экскурс в лингвистику, – съязвил Роман.

– Обращайтесь… – вернула любезность Глаша. Еще раз прошлась по комнате. Остановилась, задумчиво постучала пальцами по губам, привлекая к ним внимание Полякова. – Но, что, если перевод был верным и это все же они?! Боже, я хочу их увидеть! – словно забыв о собеседнике, Аглая быстро пересекла комнату и кулем рухнула на диван. Ноги ее больше не держали.

– Ой! – послышался тоненький голос.

– Женя? А ты здесь какими судьбами?

– Ну-у-у, – протянула девочка, зевнув, – я смотрела мультики, а потом, видимо, уснула.

– Интересно, как долго ты просидела здесь без присмотра?

Роман вспыхнул, чувствуя кожей, как расползается по коже жар. И хоть он всегда был уверен, что краснеть разучился, сегодня его ждал чертов сюрприз.

Да, что ж такое-то, блядь? Что не так с этой бабой?!

– Я отвлекся лишь на разговор с вами, – процедил Поляков. – И на будущее – вас это вообще не должно касаться. Надеюсь, я ясно выразился?

Аглая стушевалась и впялила взгляд в пол. Черт! Она снова кусала губы. И от этого те выглядели неприлично ярко на ее бледном, лишенном всяких красок лице. Блядский рот!

– Так вам ясно? – злясь на себя, переспросил Роман.

– Да. Извините…

– Проехали. Касаемо нашего предыдущего разговора…

– Да?

– Я хотел бы, чтобы вы подъехали туда завтра. Скажем, к девяти утра… И посмотрели на фрески своими глазами. После от вас я жду детальный отчет. О состоянии фрески и ваших предложениях по ее реставрации.

– Как в девять утра? Но садик открывается лишь в семь… До замка же ехать часа два с половиной – и это, если не будет пробок.

– Кажется, вы утверждали, что профессионал? Прямо вчера, когда принудили меня взять вас на работу.

Аглая захлопнула рот, так что клацнули зубы, и резко кивнула:

– Хорошо. Я буду на месте к девяти.

– Не забудьте оформить пропуск на объект.

– И где же мне его оформить?

Роман не знал, как можно говорить, сцепив зубы, но у его реставраторши это получилось с успехом. Как будто она владела искусством чревовещания. Впрочем, чему удивляться, учитывая то, что она свободно читала на древненемецком?

Упс, не на древненемецком. Тот почил в бозе, когда там она сказала? В одиннадцатом веке? Да похрен. Тут сам факт чего стоит. Она читает на старонемецком, подумать только… На старонемецком, ети его мать.

В то время, как сам Роман для этих же целей нанимал переводчика. Которого, кстати сказать, еле вообще нашел.

– Так что? Где мне взять пропуск, Рома-а-ан Георгиевич?

Поляков поморщился от ее издевательского протяжного «а-а-а…».

– У инженера по охране труда. У кого же еще? – буркнул он и, взяв притихшую Женьку за руку, вышел прочь из конференц-зала.

Глава 5

День не задался с самого утра. Дашка никак не могла проснуться, и Аглае пришлось самой одевать сонную дочку. А та сидела на кровати и, покачиваясь из

стороны в сторону, так и норовила завалиться набок и опять уснуть. Ее тонкое непослушное тельце было на удивленье тяжелым. Глаша даже вспотела, пытаясь просунуть в путающиеся рукава свитера безвольно повисшие Дашкины руки.

– Ну же, соня, давай! Мы опаздываем!

– Разве будить детей в такую рань не запрещено какой-нибудь мудреной конвенцией? – зевнула Даша, обдавая Аглаю несвежим дыханием.

– Фу, Дашка! Никаких разговоров, пока не почистишь зубы. Давай же! Я и впрямь очень тороплюсь.

– Торопишься ты, а страдаю я, – вздохнула девочка, послушно вставая с кровати.

– Несправедливость жизни. Помнишь, я тебе о ней рассказывала? – ухмыльнулась Аглая. Дашка пробормотала что-то невнятное, еще раз сладко зевнула и потянулась так, что аж затрещали кости. А потом опомнилась: – Ой! Я ведь совсем забыла! Нам сказали принести на занятие… – девочка задумалась, почесала живот, не замечая, как напряглась Аглая, – что-нибудь из природных материалов. Ты не знаешь что это такое?

Глаша закатила глаза к гладкому, как яйцо, потолку и с отчаянием застонала:

– Знаю, горе ты мое луковое. Но почему ты вчера мне ничего не сказала? Где мы сейчас эти природные материалы будем искать? Зачем они вообще, Нина Юрьевна говорила?

– Так поделки делать. Весна пришла, и все такое…

На несколько секунд Глаша зажмурилась. Десять… девять… восемь… Чтобы не взорваться.

– Так, хорошо… Отправляйся чистить зубы, а я что-нибудь придумаю.

Впрочем, обещать не значит жениться. Ничего толкового в Глашину голову не пришло. В конце концов, Аглая решила, что они с Дашкой отыщут эти самые

природные материалы по дороге в детский сад. Слава богу, район хоть и новый, но природы вокруг хватало.

То, что ее план – сильно так себе, Глаша поняла практически сразу же. Снег, выпавший накануне, полностью растаял. Лужи были такие, что обойти их, не промочив ноги – было попросту невозможно. Дашке повезло – у нее были резиновые сапоги. А вот сама Аглая таким добром еще обзавестись не успела. Стараясь не терять оптимизма, она бодро огляделась по сторонам.

– Вон там можно найти желудей, а во-о-он там – каштанов. А еще неплохо бы веточек всяких наломать, насобирать камушков…

В общем, собирая свой нехитрый скарб, Аглая с Дашкой извозились в грязи, как черти. Глаша покосилась на пакет с собранными сокровищами. Она очень сильно сомневалась, что их усилий стоили восемь камушков щебня, кривая палка, в которой Даша разглядела очертания хамелеона, четыре видавших виды желудя, на которых кроме них никто не позарился, и отсыревшая шишка, найденная ими почему-то под каштаном. Но Дашка была довольно «уловом», и Аглая не посмела озвучить свои сомнения. Воспитателю же, передавая пакет, Глаша в глаза посмотреть не решилась и, передав дочь с рук на руки, бочком отступила к двери.

Откуда взялась та проволока – Аглая не знала. Она ходила этим путем уже много раз и была уверена, что ничего подобного из земли раньше здесь не торчало. Другой разговор, что когда в дело вступают законы подлости, случиться может все, что угодно. И разорванные до колена штаны – еще не самое худшее из этого унылого перечня. Наверное…

Аглая ошарашенно глядела на свои когда-то добротные брюки. Ну, и что прикажете делать? Стрелки на часах во все горло орали о том, что времени на переодевание не осталось. Глаша выругалась и со всех ног припустила к стоянке.

Видавшую виды Ниву Аглая купила сразу же по возвращению из Германии. А что? Почему бы и нет. Понтоваться ей было не перед кем, а вот по бездорожью да на Ниве – красота. Тем более что машина находилась в отличном состоянии, как для своего преклонного возраста. Аглая завела мотор, и пока двигатель прогревался, высыпала содержимое сумочки на соседнее сиденье. Иглы с ниткой

среди выпавшего барахла, конечно, не оказалось. Да и откуда им там было взяться, если никто их туда не клал? Зато в куче отыскались маникюрные ножницы. Аглая с сомнением покосилась на целую штанину, но все же, тяжело вздохнув, принялась её кромсать. Для симметрии.

И вот, когда все, казалось бы, утряслось, случилось непоправимое. На выезде из города двигатель затарахтел, хрюкнул и… заглох. Как Глаша ни старалась, как ни упрашивала железяку – та категорически не желала заводиться. От безысходности Аглая пнула старушку по колесу и в отчаянии зарылась руками в волосы. И ведь понимала, что ничего непоправимого не произошло, что это все мелочи, и волноваться не стоит, а все равно успокоиться не получалось. Она так хотела утереть Полякову нос! А в итоге, опоздав, в очередной раз сядет в лужу. Прямо на его глазах.

Пока Аглая решала, что ей теперь делать – звонить в автосервис или постараться поймать попутку, мимо, окатывая ее с ног до головы брызгами, пронесся огромный танк. Ну, не танк, конечно, в общепринятом смысле этого слова, но для ошарашенной Глаши особой разницы между Кадиллаком Эскалайдером и, скажем, Т34 и не было.

Из последних сил, стараясь не расплакаться, Аглая принялась отряхивать одежду. Она не сразу заметила, что Кадиллак остановился и принялся неторопливо сдавать назад, лишь когда с ней поравнялся черный лакированный бок, отмерла. Хотела было пнуть это пафосное корыто, но в последний момент удержалась. Машина-то тут ни при чем. Что обижать красавицу? Вот, если бы вышел хозяин, тогда другой разговор…

– Эй, проблемы?

Не веря своим глазам, Аглая открыла рот.

– Так что? Помощь нужна, или ты так, ноги размять вышла?

Ага! Конечно! Прямо посреди дороги. Вот козел!

– Доброе утро, Рома-а-ан Георгиевич. Если вас не затруднит, я с превеликой радостью воспользуюсь вашим предложением. – Не давая Полякову опомниться, Аглая шустро распахнула дверь и бесцеремонно водрузила свою тощую задницу

на пассажирское сиденье.

– Эй, да с тебя ручьем течет! Ты мне весь салон изгадишь…

Аглая резко вскинула голову и зло уставилась на Романа. Выглядела она настолько жалко, что он даже пожалел, что прибавил газу. Не иначе в него черти вселились! Стоило увидеть ее рыжую голову – и всё. Всё его здравомыслие, всё благоразумие и невозмутимость канули в Лету. Рядом с этим пугалом Поляков сам себя не узнавал. Куда только девался степенный респектабельный бизнесмен? Он словно вновь превращался в мальчишку. И ему это совершенно не нравилось!

Роман кашлянул. Отвел взгляд. Включил посильней обогрев, понимая, как сильно Аглая замерзла, и тронулся.

– Стойте! Я только заберу сумку из машины. Там инструменты и все такое… Без них не обойтись.

Поляков послушно остановился. Аглая неуклюже выбралась из салона, но потом, словно передумав, заглянула внутрь:

– Вы же не уедете, оставив меня здесь? – спросила она подозрительно. Чувствуя себя последним мудаком на планете, Роман устало покачал головой:

– Можете не беспокоиться. Вы мне нужны на объекте вовремя.

Один бог только знал, по какому принципу Поляков выбирал, когда к ней обращаться на «вы»… Аглая закусила губу. Еще немного помедлила, решая, можно ли ему верить, и, наконец, захлопнула дверь. Роман скосил взгляд на сиденье. Как бы там ни было, зад Васильевой оставался сухим, но вот что касается всего остального… Роман растер бровь. Чертыхнулся под нос, наблюдая за тем, как Аглая возвращается, и тоже вышел из машины. Где-то в багажнике у него валялась сумка, с которой он обычно ходил в спортзал. Может быть, пожертвовав одеждой, он наконец заткнет пасть некстати проснувшейся совести? И избавиться от этого сосущего стылого чувства стыда внутри…

– Садись назад.

– Зачем?

– Переоденешься. Вымокла же вся… – Поляков смерил Аглаю пренебрежительным взглядом и вдруг запнулся. – Иисусе, а что с твоими штанами?

– С ними все хорошо! – бодро отрапортовала Глаша, с трудом вскарабкиваясь на заднее сиденье. На этом бы их разговор и закончился, если бы Роман, протягивая ей сумку с вещами, не заметил:

– А так и не скажешь. Кажется, что над их дизайном потрудилась стая бродячих собак.

– Это говорит лишь о том, что вы совсем не разбираетесь в моде, – высокомерно вздернула нос Аглая, стягивая с себя куртку. Поляков же изо всех сил делал вид, что не видел ничего интересней проносящегося мимо пейзажа, а сам то и дело посматривал в зеркало заднего вида. Не то, чтобы его интересовало, что там… Да и смотреть, если честно, особенно было не на что, а вот не смотреть почему-то не получалось.

Перед тем как снять свитер, Аглая скрючилась в три погибели, бросила на Полякова опасливый взгляд и, только убедившись, что ему нет до неё дела, быстро стащила вещицу через голову. А потом так же шустро натянула вместо нее принадлежащую Роману тенниску с рукавами.

Ну, вот. Все, как он и полагала. Ничего выдающегося. Разве что грудь чуть больше, чем он мог бы подумать, если бы ему, с какого-то перепугу, такое стукнуло в голову. В общем, грудь – как грудь. Он предпочитал побольше. А вот крупные розовые соски были что надо.

Поляков чертыхнулся и поерзал в кресле.

Подумаешь, встал. Что здесь такого? В конце концов, он молодой мужчина, а перед ним мелькнули какие-никакие сиськи. Хуже было, если бы в положенном месте не наметилось оживления. Тогда все. Сразу пиши пропало. Кивнув своим мыслям, Поляков принялся переключать радиостанции.

Тем временем на заднем сиденье Аглая стащила с себя штаны. Те самые – потрепанные жизнью. На этот раз она особенно не пряталась – тенниска Романа закрывала её едва ли не до колен.

По радио, куда ни кинься, крутили попсовую ересь. Роман фыркнул, вырубая его к чертям. Постучал пальцами по рулю.

– Вы бы в любом случае опоздали на том драндулете. – качнул головой в направлении города Поляков.

– Ну, простите. Не всем же на Кадиллаках разъезжать.

– И то так…

– Я бы раньше выехала, – непонятно почему стала оправдываться Аглая. – Только Дашка, моя дочь, та, с которой вы перепутали…

– Да-да! – нетерпеливо перебил Роман, уже пожалев, что затеял этот глупый разговор. – Так что она?

Аглая склонила голову, пряча улыбку. Смешно ей видите ли! Вот же… Поляков вновь насупился.

– Она забыла с вечера предупредить о том, что в сад нужно принести природные материалы.

– Зачем? – моргнул Роман, судорожно соображая, что под этим термином могут понимать воспитатели Колокольчика.

– Поделки делать. Знаете, такие… – Аглая неопределенно взмахнула пальцами.

– Какие? – переспросил Поляков, залипнув взглядом на её руках. Может, окрас у Васильевой и был ядовитым, но вот с конечностями у той был полный порядок. Никаких тебе щупалец, присущих ядовитым тварям. Руки Аглаи были… красивыми. Этого даже он не мог не признать. Впрочем, расслабляться точно не стоило. Вполне возможно, все компенсирует раздвоенный длинный язык…

– Из природных материалов, – вдруг улыбнулась Глаша абсурдности ситуации.

– Хм… Вы хотите сказать, что сегодня им нужно было принести…

– Ну, я не знаю… шишки там, желуди. Может быть, ракушки или гербарий.

– Твою мать. А я так Женьку закинул…

– Уверена, что в вашем случае воспитатели были готовы ко всему, – не удержалась от поддевки Аглая. Поляков лишь крепче стиснул зубы, а спустя минуту, нарушая натужное, повисшее в салоне молчание, у него зазвонил телефон. Крис-руки-ножницы. Ну, надо же… Еще недавно Роман бы просто отбил звонок, но пять минут назад он не знал, что отвел ребенка в детский сад неподготовленным.

– Ромчик, милый, ты не поверишь… у меня такое случилось!

– Да что ты? А я уж не знал, что думать. Сейчас мне некогда, но за ужином в Милано ты мне все-все расскажешь, да?

Осознав, что рыба все еще на крючке, Кристина ощутимо взбодрилась. Из голоса пропали виноватые нотки, и он наполнился сущим медом:

– Конечно, милый. Милано – это же просто супер! Я давно хотела там побывать. Алекс говорила, что там просто обалденная кухня и такой ше-е-еф!

– Надеюсь, тебе понравится.

– О, да! И еще я так рада, что ты на меня не злишься…

– Ну, почему же не злюсь? Есть такое. Ты все же не забрала из садика мою племянницу и пропала на двое суток.

– Я готова загладить свою вину, – мед был щедро сдобрен жгучими нотками страсти. Роману, впрочем, на это было плевать. Он хотел проучить мерзавку. И у него созрел неплохой план.

– Серьезно? Ты готова сделать все-все?

– Можешь не сомневаться, – томно рассмеялась барышня.

– Окей. Тогда дуй в парк, собирай желуди и шишки, а когда насобираешь полный пакет – привезешь в детский сад Колокольчик. На охране скажешь, что это для Кирициной Евгении. На поделки. Дядя передал.

Глава 6

Вот, значит, как… А ведь Аглая действительно верила в то, что хуже думать о Полякове она уже вряд ли будет. Но он сумел ее удивить. Это же надо – дуй в парк и собирай шишки! И ведь самое обидное – то, что эта влюбленная дурочка поедет, а он и дальше будет ее унижать, пользуясь тем, что его любят.

Мерзавец! Скотина! Моральный урод…

– Глаш, выдыхай, у тебя вот-вот пар из ушей повалит, – развлекался Роман, наблюдая за ней в зеркало заднего вида. На секунду у Аглаи закралась мысль, что весь этот театр предназначен для одного единственного зрителя. Для неё. Но крепко подумав, Глаша все же решила, что Поляков бы палец о палец ради нее не ударил. Зачем? Слишком много чести… А значит, со своими женщинами он и впрямь ведет себя именно так.

– Кажется, вам не терпится мне что-то сказать?

Он был прав. Она бы сказала! Она бы столько ему сказала, что он бы вмиг растерял всю свою спесь. Если бы только именно от этого гада не зависела ее работа! Как ни крути, а Рома-а-ан Георгиевич был ее непосредственным руководителем. И об этом не стоило забывать. Уж слишком часто Поляков выводил ее на эмоции. Непозволительные эмоции, кстати сказать.

Глаша стиснула челюсти, так что хрустнули зубы, и демонстративно отвернулась к окну. Мимо проносились темные бескрайние поля чернозема. Голые озябшие деревья, стыдливо покачиваясь на ветру, будто льнули друг к другу в поисках

тепла и зашиты. Серая, нерадостная картина. И хоть Аглая очень любила весну, в самом ее начале не было никакой прелести.

Гады… Какие же все-таки гады эти мужики! Да она нормальных по пальцам может пересчитать: покойный отец, братья, Василий Иванович… И на этом, пожалуй, все. Глаша сделала себе в голове пометку – позвонить Павлу, узнать, не проболтался ли тот маменьке о случившемся накануне казусе. Хотя где Павел, а где проболтался. Он же Кошман – великий и ужасный делец. Осторожный, расчетливый, беспощадный. У него каждый шаг наперед просчитан, а каждое слово выверено.

И маме позвонить надо – заныл тоненький голосок, но Аглая от него лишь отмахнулась. Когда-нибудь потом, может быть, и позвонит… Когда ей будет, чем порадовать родительницу.

– Подъезжаем, – посчитал нужным сообщить Поляков, возвращая Аглаю в действительность. Она прилипла носом к окну, совсем, как в детстве, когда они наведывались сюда с папкой… Тогда маленькая Глаша забиралась к отцу на плечи, и они бродили вокруг дворца, провожаемые хмурым взглядом приставленного к нему охранника. Тогда Александр мог лишь мечтать о том, что его родовое гнездо хоть когда-нибудь вернет свой прежний облик. И вот, пожалуйста…

– Извольте слезать, Аглая Александровна, – кряхтел отец, когда таскать Глашу на плечах становилось невмоготу.

– Нет-нет, пап, еще чуть-чуть, ну, пожалуйста. Во-о-он до той башни, и всё.

– Сейчас нас отсюда поганой метлой погонят…

– Пусть только попробуют. Я ль не княжна?! – возмущалась Глаша, как в гриву, зарываясь в отцовские волосы на макушке.

– А то как? Княжна, и счастье мое, и свет…

У Аглаи с отцом были волшебные отношения. Они понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда. Она могла часами слушать его истории, или просто

сидеть на стульчике, завороженно наблюдая, как из-под отцовой кисти рождается очередной гениальный шедевр. Это был какой-то отдельный мир, в котором существовали лишь они двое. А все остальное – мама, братья, друзья, обитали где-то там, за его пределами. Когда отец умер, этого мира не стало. Глаша не просто осиротела, она потеряла намного больше, чем просто отца. Она, кажется, и себя потеряла…

Еще минута, и они, наконец, остановились. Даже не надеясь, что Поляков бросится открывать перед ней дверь, Аглая сама вышла из машины. Рукава тенниски, которые она подтянула, упали и повисли вдоль тела. Такой себе Пьеро-косплей.

Глаша улыбнулась собственным мыслям и завороженно огляделась. Давно она тут не была… Сейчас, конечно, дворец имел совсем не тот вид, что на старинных фотографиях, чудом сохранившихся у отца. Чтобы вернуть ему былое величие, требовалось основательно потрудиться. И она до зуда в ладонях хотела включиться в этот процесс.

– Что вы уже успели сделать? – спросила у догнавшего ее Полякова.

– Не так много. Укрепили фундамент, воссоздали полуразрушенную кирпичную кладку в торце правого крыла и приступили к гидроизоляции стен…

– Не так много? Да это же…

– Да? – Роман остановился и, вздернув бровь, окинул Глашу изучающим взглядом.

– Это большая работа.

– Вот именно!

– Можно я посмотрю?

– На что? – удивился Роман.

– Так ведь на кладку. Очень интересно, как у вас вышло. Пожалуйста?

Вообще-то Поляков торопился увидеть фрески. Но как он мог отказать Аглае? Настолько нелепой в его старых шмотках и глядящей на него так, словно он чертов Дед Мороз…

– Только быстро. У меня полным-полно дел.

Аглая стиснула кулаки и даже, кажется, немного подпрыгнула, прежде чем с тихим визгом помчаться в нужном направлении. Некоторое время Поляков тупо пялился вслед её тонкой фигурке. Потом заставил себя отмереть, и спокойно двинуться следом. Было что-то ужасно странное в этой женщине. Что-то неправильное и непривычное… Не от мира сего – вот какой была Аглая Васильева.

Когда Роман нагнал Глашу, она стояла, распластавшись у стены, словно в попытке ее обнять или сделать еще какую-то глупость вроде этой. И ладно сам Поляков… Признаться, он и сам с той стеной обнимался. И нашептывал ей что-то свое, рассказывал. Но! Это ведь он её по кирпичику, по камушку восстанавливал, перетрусив все архивы, чтобы понять, каким образом воссоздать аутентичную кладку. А она? На что ей та стена сдалась?

– Наобнималась?

– Угу. – Аглая, кажется, смутилась и, отступив в сторону, огляделась по сторонам: – Что-то я не вижу, кому пропуск показывать, – опять выпустила колючки.

– Ты со мной приехала, вот охрана и не вмешивается.

– Её вообще не видно, охраны вашей.

– То вы не туда смотрели, Аглая Александровна.

Ну, надо же! Он хоть и помнит ее отчество, но так до сих пор и не сопоставил его с фамилией. Иначе никогда бы так себя с ней не повел. Глаша была в этом уверена так же, как и в том, что солнце встает на востоке, а все красивые мужики – козлы. Нет, козлы они почти все, но красивые – прям особенно выделяются… Может, подвид какой? Ладно, речь сейчас не об этом, а о том, что

Аглая со стопроцентной точностью могла определить – знает ли ее собеседник, к чьей семье она принадлежит, или каким-то чудом остается в неведении.

Так вот, Роман-Сердцеед-Поляков был явно из последней категории.

И слава Богу, конечно. В свое время Аглае здорово надоели прихлебатели, которые, действуя через неё, так и норовили урвать что-либо от тех самых Кошманов. Один Ганапольский чего только стоил… Вот о ком ей точно не стоило вспоминать!

Отгоняя возникший перед глазами образ, Аглая насупила брови и оглянулась. Прямо им навстречу торопился шустренький мужичок.

– Это Виктор Сергеевич, он здесь отвечает за все строительные работы, когда меня нет. А это Аглая Александровна Васильева – реставратор.

Виктор Сергеевич смерил Глашу недоверчивым взглядом. Ну, что удивляться? Видок у нее был еще тот…

– Да ты не смотри так, Сергеич… Аглая Александровна к нам прямиком из Европы… У них там так ходят. Мода, что с нее взять?

Аглая чуть не подавилась готовыми сорваться с языка колкостями, но все же каким-то чудом сдержалась. Прораб тихонько крякнул и понятливо качнул головой, мол, да. Нам, простому народу, этих ваших европейских мод не понять!

– Ну, тогда вы уже, может, глянете на фрески? А то простаиваем ведь. Бог его знает, что с ними делать. Может, они слова доброго не стоят, а мы… – Виктор Сергеевич взмахнул заскорузлой ладонью и тяжело вздохнул.

– Конечно, – оживилась Глаша. – Пойдемте скорей!

Пока шли через обветшавшие комнаты к старой башне, Виктор Сергеевич рассказывал о том, что они успели сделать и когда, тыкал мясистым пальцем в новенькие балки перекрытия, рассказывал технологию, объяснял. Другая бы на месте Аглаи заскучала, а эта еще и вопросы всякие заумные задавала. Поляков аж удивился. Он и предположить не мог, что человек, бросивший архитектурный

на втором курсе, мог обладать такими глубокими знаниями. Окончи он потом хоть десяток всяких разных «колледж оф арт»… Архитектура – это все же другое.

– Ну, вот, собственно, и они… Что скажете?

Аглая сглотнула. Подошла вплотную. И снова отошла на шаг. Ее взгляд хаотично метался по открывшейся картинке, а пальцы дрожали. А Роман какого-то черта видел только её. Вот как так? Фрески не видел… А эту… тьфу! Поляков насупился, подошел поближе и осторожно коснулся лика.

– Ну, так что скажете, Аглая Александровна? Мне тоже интересно…

– Господи… сколько масла! Руки бы отбить этим реставраторам… Они же все только испортили!

Роман кивнул, понимая, что Аглая говорит о более ранних попытках реанимировать фрески, которые, по всей видимости, производились, как и все тогда – при помощи масляных красок. Дерьмо…

Аглая сдернула с плеча сумку, достала инструмент, лупы, какие-то щеточки, шпатели…

– Не стойте над душой, Бога ради! Я пока все равно ничего не скажу. Мне посмотреть надо… Идите, вон, погуляйте!

Поляков был так ошарашен напором Аглаи, что спорить не стал. И отошел. А чтобы примириться с собственным отступлением, буркнул что-то о том, что и так планировал сходить посмотреть на результаты других работ. Сильно надо… стоять тут… над душой!

Поляков выругался себе под нос. Нет, ну надо же! И он еще себя причисляя к фанатикам. Да по сравнению с пугалом он, так… Недобитый любитель. А эта… как раз из тех… Озираясь и неверяще качая головой, Роман пошел за прорабом. Он решил осмотреть все, чего еще не видел, раз уж приехал раньше, чем собирался. Кое-какие мелкие работы, с первого взгляда незаметные даже, но имеющие не абы какое значение, проверил их качество. Закусился с Сергеичем

по поводу способов очистки копоти. Долго спорил с ним, но, вроде, пришли к оптимальному варианту. Все же Поляков не отрицал, что его прораб был мужиком толковым. Собственно, поэтому они и трудились рука об руку вон уже сколько лет… Обошли все комнаты, заглянули в каждую просверленную дырочку. А когда уж совсем все пересмотрели, вышли и в парк. В местах, где не планировалась работа тяжелой техники – уже можно было начинать работы по восстановлению его первозданного облика. Да и большой пруд чуть поодаль тоже требовал их внимания. Но тут уж своими силами Роман бы не справился. Нужен был хороший специалист. И, кажется, у него был кое-кто на примете.

Пока они обходили вверенные владения, прошло немало времени. Рабочие, дождавшись перерыва, потянулись к вагончику, и кто судочек нес, кто пакет с бутербродами… Роман аж сглотнул. Покосился на часы и, отпустив прораба, вернулся в башню.

– Ну, что тут, долго еще?

Аглая вздрогнула. Обернулась резко и, покачнувшись на продавленном, непонятно откуда здесь взявшемся ящике, едва не свалилась с него.

– Осторожно! Что ж ты такая неуклюжая, господи!

– Я? Я неуклюжая?! Вы подкрадываетесь ко мне, орете на ухо, когда я полностью погружена в работу, и еще смеете меня в чем-то обвинять?! У меня вот! Видите?! – Глаша сунула руку с зажатым в ней скальпелем прямо под нос Полякову и зарычала: – Инструмент! Здесь я, считайте, нейрохирург! Одно неверное движение – и все! Понимаете?! А вы орете! А вы подкрадываетесь…

Поляков сощурился. И не отступил, когда малахольная принялась размахивать скальпелем в непосредственной близости с его надменной физиономией.

– Все сказала? – процедил он.

А Глаша как будто сдулась. Рука с зажатым инструментом безвольно повисла вдоль тела, а сама она скукожилась, стала маленькой-маленькой.

– Не все. Но я не теряю надежды, что вы, Роман Георгиевич, уловили суть.

– Не сомневайтесь.

Аглая вымученно кивнула и отвернулась к фреске.

– Оригинальную фреску, скорее всего, можно будет воссоздать. Я знаю отличных реставраторов, которые могут взяться за эту работу под моим непосредственным руководством. Конечно, мне нужно будет провести еще кое-какие экспертизы, но, думаю, мы справимся, да… Жаль, столько масла… Замучаемся со смывкой. Да и со штукатурным слоем придется здорово повозиться… Отошел. А так… Вроде и все.

Не поворачиваясь к Полякову, Аглая растерла озябшие в здешней сырости ладони и спрятала их в длинных рукавах.

– Аглая…

– Да?

– Извините. Я действительно должен был оповестить о своем возвращении как-то иначе.

Глаша повернула голову в полупрофиль. Закусила губу и медленно кивнула, принимая тихие извинения Полякова.

Глава 7

В город Поляков возвращался намного позже, чем рассчитывал. Даже несколько встреч пришлось перенести – кто ж знал, что эта малахольная так увлечется работой, что её от неё будет не оторвать? Роман скосил взгляд на сидящую рядом девушку. В тепле салона её кожа порозовела, и лицо уже не казалось ему таким… никаким.

– Это у вас в животе урчит или у меня?

Аглая, кажется, покраснела еще сильнее.

– У меня. Я ведь даже позавтракать не успела.

Сам Поляков в жизни не завтракал, но то он – здоровый мужик, а не это… худосочное несчастье. Того и гляди, в голодный обморок грохнется. Роман тяжело вздохнул. Он силился припомнить, где в этих местах можно пообедать без риска для здоровья, да так ничего и не надумав, притормозил у первого попавшегося придорожного кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/reznik_yuliya/nevozmozhnyy-roman

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить